

Кувшинов Феликс Владимирович

О ДЕТСКОМ ТРАВЕЛОГЕ В РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-1930-Х ГГ.

В статье сквозь призму советской повседневности рассматривается детский травелог русской литературы 1920-1930-х гг. Описываются специфические черты детской литературы путешествий, такие как условность, шаблонность, следование идеологическим установкам, малая информативность текста, отсутствие реального знания о зарубежье у авторов. Рассчитанная на юного читателя, такая литература была лишена аналитического элемента и в то же время была удобным плацдармом для решения нестандартных творческих задач.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 105-108. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

одновременно с этим, знанием некоторой «универсальной грамматики», то есть определенной культурно-языковой системы, лежащей в основе их речеупотребления [4, p. 250-264; 5, p. 85].

В стихотворении известного историка, писателя и общественного деятеля Ауроры Левинс Моралес (Aurora Levins Morales) «Child of the Americas» – «Дитя Америк» (1986) есть такие строки, точно передающие социокультурную роль варианта спэнглиш для латиноамериканских жителей США: «I am new. History made me. My first language was Spanglish. I was born at the crossroads and I am whole» [6, p. 2815] (Я – «новое». Меня создала история. Мой родной язык – спэнглиш. Я рождена на перекрестке двух дорог и я – «целое»).

Таким образом, спэнглиш – это интересный культурный феномен, характерный для современного глобального мира. Он представляет собой особый межъязыковой вариант, распространенный на североамериканском континенте, и служит естественной лингвокультурной средой для его двуязычных жителей. Можно сказать, что в настоящее время этот межъязыковой вариант является одним из «питающих притоков» английского языка, украшающим его форму и обогащающим его содержание.

Список литературы

1. Echevazzia R. G. Is «Spanglish» a Language? // Spanglish / I. Stavans (ed.). L.: Greenwood Press, 2008. P. 116-117.
2. http://www.barcelonareview.com/40/e_is_int.htm (дата обращения: 20.01.2015).
3. <http://www.loc.gov/rr/program/bib/ourdocs/Guadalupe.html> (дата обращения: 11.03.2015).
4. Lipski J. M. Code Switching and Bilingual Competence // Aspects of Bilingualism / M. Paradis (ed.). Columbia: Hornbeam Press, 1978. P. 250-264.
5. Lipski J. M. Linguistic Aspects of Spanish-English Language Switching. Tempe: Arizona State University, Center for Latin American Studies, 1985. 92 p.
6. Morales A. L. Child of the Americas // The Heath Anthology of American Literature / P. Lauter (gen. ed.). N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1998. Vol. II. 3181 p.
7. Timm L. A. Spanish-English Code-Switching: El porqué y how-not-to // Romance Philology. 1975. № 28. P. 473-482.
8. Torres L. Code-Mixing as a Narrative Strategy in a Bilingual Community // World Englishes. 1992. № 11 (2/3). P. 183-193.
9. Zentella A. C. The Grammar of Spanglish // Spanglish / I. Stavans (ed.). London: Greenwood Press, 2008. P. 45-47.

LINGUO-CULTURAL PHENOMENON IN THE CONTEMPORARY ENGLISH-SPEAKING WORLD: SPANGLISH

Kochetova Mariya Germanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
mkochetova@yahoo.com

This work is devoted to the cross-language version – Spanglish, which is a special linguo-cultural mixture of the English and Spanish languages. They naturally come into language contact, forming a productive version, filling the modern English language with a new form and content. The article conducts the social-cultural analysis of this version and discusses the social-linguistic aspect of its speech use in the modern English-speaking society.

Key words and phrases: the English language; the Spanish language; Spanglish; cross-language version; linguo-cultural; bilingual.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье сквозь призму советской повседневности рассматривается детский травелог русской литературы 1920-1930-х гг. Описываются специфические черты детской литературы путешествий, такие как условность, шаблонность, следование идеологическим установкам, малая информативность текста, отсутствие реального знания о зарубежье у авторов. Рассчитанная на юного читателя, такая литература была лишена аналитического элемента и в то же время была удобным плацдармом для решения нестандартных творческих задач.

Ключевые слова и фразы: советская повседневность; жанр травелога; детский травелог; литература путешествий; цензурное давление.

Кувшинов Феликс Владимирович, к. филол. н.

Белгородский университет кооперации, экономики и права (филиал) в г. Липецке
fkuvshinov@yandex.ru

О ДЕТСКОМ ТРАВЕЛОГЕ В РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-1930-Х ГГ. ©

В отечественной филологической науке еще не рассматривалось такое уникальное явление, как детский травелог в русской советской литературе 1920-1930-х гг.: внимание исследователей (отечественных [6; 10; 14] и западных [5; 18; 19; 21]) традиционно обращено к «взрослому» травелогу, хотя и здесь специалистами

отмечается «отсутствие целостного осмысления этой части словесности» [1, с. 34]. Очевидно, это «отсутствие» связано с тем, что «жанр литературного путешествия занимает в литературном процессе особое положение» и при этом «не всеми современными литературоведами принимается сам факт существования “путешествия” как жанра» [11, с. 3-4]. Одно из объяснений этому феномену можно найти в концепции Е. С. Ивашиной, которая, анализируя русскую литературу первой трети XIX века, в свое время выдвинула теорию о существовании некоего «автономного жанра» [4, с. 3], содержащего в себе литературное путешествие, которое в явной или скрытой форме может выступать в качестве одного из элементов художественного произведения или существовать самостоятельно (собственно травелог).

По нашему мнению, проблема определения жанра литературного путешествия заключается в том, что это явление динамическое, отражающее и исторические процессы, и литературные, и культурологические, и научные, в связи с чем, меняются границы его определения. Не случайно одна из предлагаемых современных дефиниций травелога предлагает довольно широкую трактовку этого явления: «не только документальный рассказ о поездке, экспедиции, исследовании <...>. Помимо физического перемещения тела в пространстве, этот жанр предполагает и метафизическое путешествие, в финале которого происходит если не взросление, то как минимум умудрение (как повествователя, так и читателя)» [2, с. 165]. Некоторые современные исследователи отказывают подобным описаниям вымышленных странствий называться травелогом, относя их к области беллетристики [14, с. 14] (возможно, речь следует вести о неких «фиктивных» локусах, как предлагается в рамках теории геокритики [20]).

В контексте этой полемики вокруг определения жанровых границ травелога наиболее примиряющей видится позиция А. Ю. Сорочана, предполагающего «новые опыты классификации и теоретического осмысления» [15, с. 402] травелога. Именно в рамках «нового опыта» мы обращаем внимание на такое уникальное явление, как детский травелог в русской советской литературе 1920-1930-х гг.

В центре нашей работы оказались специфические черты детского травелога 1920-1930-х гг., определившие его лицо и ранее не исследовавшиеся.

В первую очередь, при анализе детского травелога 1920-1930-х гг. необходимо учесть тот факт, что подавляющее большинство писателей, живших в СССР в этот период, работающих, в том числе, в области детской литературы, не имело возможности выезда за границу. Закрытость страны стала повседневностью не только для литераторов: в рамках всей страны была развернута кампания по изменению сознания простого советского человека в отношении зарубежного мира. Советскому обывателю не нужно было куда выезжать, достаточно было географической карты и книг по занимательной географии, по которым совершались вымышленные путешествия, удовлетворяющие и своей физической, и политической безопасностью (если только речь не шла о засекреченных районах), и полетом фантазии [13].

Однако свобода полета фантазии была относительна, корректировать этот полет должна была как раз литература, в том числе, и детская. Не случайно этот вопрос затрагивается на I Всесоюзном съезде советских писателей, где в качестве докладчика выступал и главный идеолог советской детской литературы С. Я. Маршак, указавший как раз на лакуны в области детского травелога: «Еще меньше книг для детей младшего возраста. И неудивительно: для этого возраста чаще всего писали о путешествиях двоюродные племянницы путешественников и присяжные компиляторы» [9, с. 34]. Здесь С. Я. Маршак подвергает критике устоявшиеся штампы в области детского травелога. Однако парадоксальность ситуации заключалась в том, что советский детский травелог (равно как и взрослый) мало чем отличается от критикуемой Маршаком дореволюционной литературы путешествий в плане как раз «компиляторства», шаблонности, зачастую абсолютного фактического незнания материала, что является следствием отсутствия реального опыта путешествий у авторов. Советские писатели не могли составить хоть сколько-нибудь правдивой картины зарубежного мира по двум причинам: во-первых, они должны были его изображать так, как велели идеологические установки, а во-вторых, они вынуждены были опираться на уже имеющийся материал, поскольку реального знания о зарубежной жизни у них не было.

Естественным следствием в этих условиях сознательного извращения / изменения представления среднестатистического обывателя СССР о Западном мире (да и вообще о мире, находящемся за пределами границ СССР) стал травелог, который, рассказывая о зарубежье, почти ничего не сообщал нового, чего не было бы уже известно.

Характерным и ярким примером может служить сопоставительный анализ советской детской переводной литературы, которая (безусловно, не из-за бесталанности переводчиков, а в силу цензурного давления) огрубляет, упрощает изображаемый иностранными писателями мир. Достаточно посмотреть в сравнении на сказку К. И. Чуковского «Айболит» (1925) и ее оригинал «Историю доктора Дулиттла» (1920) Хью Лофтинга. Пересказ Чуковского сократил первоначальный текст почти в четыре раза, а адаптированный стихотворный вариант сохранил сюжет лишь в общих чертах.

Но было бы несправедливо обвинять автора «Чукоккалы» в неумелом плагиате. В условиях жесточайшей (а самое главное – неумной) цензуры писатель вынужден был опрощать изображаемый мир, опасаясь различного рода обвинений.

Показательна в этом отношении история со сказкой «Муха-Цокотуха» (1923), запрет которой основывался на обвинениях в эротизме (фигуры комарика и мухи показались фривольными) и симпатиях к «буржуазному» быту (именины, свадьба). Но «Доктора Айболита» не запретили по той причине, что в нем изображается чужой мир, в котором возможны различного рода социальные девиации. Не случайно, оставшись без денег после запрета своих сказок, К. И. Чуковский, находясь в поисках выхода из сложной жизненной ситуации, по собственному признанию, «взял “Доктора Айболита” и в четыре дня переделал и перевел оттуда

два рассказа: “Приключение белой мыши” и “Маяк” [17, с. 239]. Но чтобы сохранить и «Доктора», надо было максимально упростить и изображаемый чужой мир, лишить его хоть какой-то соблазнительности для маленького читателя. Писать о зарубежном мире было вполне безопасно, надо было только уметь.

Здесь у детских авторов на выбор было две писательских стратегии. Первая представлена творчеством Б. С. Житкова, автора детских рассказов, посвященных, в том числе, и заграничным путешествиям (например, «Как слон спас хозяина от тигра» (1931)). В рамках этой стратегии приоритет отдавался факту-описанию.

Вторая стратегия базировалась не на факте, а на сюжете, как, например, «Удивительные приключения Макара Свирепого» (1928) Н. М. Олейникова. Здесь на первое место выходит действие, динамика, а факты являются теми банальностями, о которых говорил С. Я. Маршак.

Уникальность детского советского травелога 1920-1930-х гг. состоит в том, что, не имея опыта заграничного путешествия (в большинстве случаев), писатели создают ряд текстов, претендующих на освещение жизни в других странах. Однако современное прочтение этих произведений наталкивает на мысль, что подобное поверхностное и почти всегда негативное изображение зарубежного уклада жизни было одной из форм скрытой критики именно советского жизненного уклада. Речь идет о трансформации литературной традиции ироничного переосмысления травелога [3, с. 7, 60; 4, с. 9]. Но если в XIX в. ирония подвергался излишний сентиментализм произведений о путешествии или их условность, то теперь ирония заключается в том, что под видом зарубежного мира, изображаемого почти всегда негативно, можно понимать мир советской повседневности.

Примером такой скрытой издевки над советской повседневной жизнью может служить рассказ Д. И. Хармса «О том как Колька Панкин летал в Бразилию, а Петька Ершов ничему не верил» (1928), в котором двое юных «путешественников» оказываются в «Бразилии» и встречают «туземцев», которые «оказались не-большого роста, грязные и белобрысые» [16, с. 120]. Комизм рассказа даже не в том, что под Бразилией, бразильцами, бизоном, кондором и попугаями понимаются Брусилowo Черниговской губернии, советские крестьянские дети, корова, ворона и воробьи. Взрослый читатель, благодаря хармсовской талантливой реализации метода отстранения, вместо выдуманной детьми райской Бразилии (ср. «Золотого теленка» И. А. Ильфа и Е. П. Петрова) видит советскую действительность, с грязными детишками и унылым пейзажем, преобразить который может только детское наивное воображение. За счет излюбленного хармсовского приема «переворачивания» достигается осознание того, что это не Бразилия лишена диковинок и технического прогресса, а именно родная сторона являет собой серую обыденность.

Относительная безопасность темы опрошенного «зарубежного путешествия» позволяла писателям реализовывались смелые художественные идеи, не пропускавшиеся во «взрослую» литературу. Это хорошо видно на примере творчества обэриутов, из которых только Н. А. Заболоцкому удалось опубликовать полноценный сборник «Столбцы» (1929), в то время как А. И. Введенский и Д. И. Хармс опубликовали всего по два «взрослых» стихотворения: основной сферой их заработка стала именно детская литература. Именно детская литература позволила обэриутам реализовать свои художественные замыслы, а перемещение фокуса с Советской России в сторону зарубежья позволило на время оградить себя от нападков критиков и так неравнодушных к этому последнему довоенному авангардистскому объединению.

И еще об одной особенности детского советского травелога 1920-1930-х гг. хотелось бы сказать. Одна из современных исследовательниц жанра литературы путешествий говорит о том, что «путевая проза становилась универсальной матрицей постижения “иного”, создания и закрепления “образа другого” на разных уровнях художественного обобщения вне зависимости от задач автора, а следовательно, и его нарративной стратегии» [8, с. 112]. Однако это «постижение» чужого мира в рамках детского травелога имело удивительную особенность: авторы не ставили перед собой задачи постигать зарубежный мир (он *apriori* плох). Это были путешествия-пустышки, которые вполне отвечали задачам воспитания нового поколения в соответствии с идеологическими требованиями эпохи СССР 1920-1930-х гг.: дать минимум безопасной в политическом отношении информации. Эти требования выросли из тезиса, согласно которому лучше страны, нежели Советская, нет и не будет, и были отражены 3 сентября 1931 года в газете «Правда», опубликовавшей Постановление ЦК ВКП(б) «Об издательской работе» от 15 августа, в котором четко и прямо говорилось о государственном контроле над литературой в условиях новой идеологии: «Характер и содержание книги должны целиком отвечать задачам социалистической реконструкции: книга должна быть боевой и актуально-политической <...> должна явиться могущественнейшим средством воспитания...» [7, с. 340].

По большому счету, в основе проекта по дискредитации Западного мира в рамках литературы (в том числе, и детской), участие в котором приняли почти все крупные русские советские писатели, лежала довольно серьезная традиция, заложенная еще классиками. Так, например, А. И. Герцен в «Письмах из Франции и Италии» (1847-1852) показывает Западную Европу в критическом свете, причем эта оценка была не сама по себе, а «относительно России, как это стало традицией для путевого очерка» [12, с. 83]. Запад, таким образом, давно воспринимался русской литературой с настороженностью, и, в сущности, русскому человеку он был чужд. В 1920-1930-е гг. лишь поменялась маркировка – вместо русского человека появился советский.

В сущности, детским писателям 1920-1930-х гг. не было необходимости бывать за границей. Весь набор штампов изображения зарубежного мира был разработан еще до них. В рамках поставленной задачи перед советской литературой особым знанием реалий западного мира не требовалось: «Писатели командировались в западную границу с четким поручением запротоколировать упадок и распад декадентской цивилизации, по возможности выразительнее описав для советского читателя обнищание, нужду и рабство в западных странах. <...> Авторы сознательно скрывали многие аспекты жизни городов и стран, которые они посещали,

их наблюдения и выводы были определены еще до начала путешествия» [5, с. 29]. В рамках детского травелога 1920-1930-х гг. выполнить такую задачу было гораздо проще – невзыскательный юный читатель некритически воспринимал все, что ему давала подцензурная литература. Другого выбора у него просто не было.

Список литературы

1. **Алексеев П. В.** Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века // Филология и человек. 2014. № 2. С. 34-46.
2. **Бондарева А.** Литература скитаний // Октябрь. 2012. № 7. С. 165-169.
3. **Гуминский В. М.** Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: дисс. ... к. филол. н. М., 1979. 184 с.
4. **Ивашина Е. С.** О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX века // Вестник МГУ. Сер. IX. Филология. 1979. № 3. С. 3-16.
5. **Киссель В. С.** Путешествие на Солнце без возврата: к вопросу о модернизме в русских травелогах первой трети XX века // Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 9-34.
6. **Ковалёва Н. И.** Литературные путешествия как жанр в русской литературе XVIII века // Проблемы литературных жанров: мат-лы науч. конф. Томск, 1975. С. 26-28.
7. **Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988):** в 15-ти т. М.: Политиздат, 1983-1990. Т. 5. 1929-1932. 1984. 446 с.
8. **Мамуркина О. В.** Травелог в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27). Ч. 2. С. 110-113.
9. **Маршак С. Я.** О детской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934: стенографический отчет. М.: Художественная литература, 1934. 719 с.
10. **Маслова Н. М.** Путевой очерк: проблемы жанра. М.: Знание, 1980. 116 с.
11. **Михайлов В. А.** Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII-XIX веков: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 1999. 199 с.
12. **Михельсон В. А.** «Путешествие» в русской литературе. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1974. 108 с.
13. **Орлова Г. А.** Советская картография в сталинскую эпоху: детская версия // Неприкосновенный запас. 2008. № 8 (58). С. 85-101.
14. **Пономарев Е. Р.** Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920-1930-х годов: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2014. 50 с.
15. **Сорочан А. Ю.** Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // Новое литературное обозрение. 2011. № 112. С. 379-402.
16. **Хармс Д. И.** Собрание сочинений: в 3-х т. СПб.: Азбука, 2000. Т. 3. Тигр на улице. 384 с.
17. **Чуковский К. И.** Собрание сочинений: в 15-ти т. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. Т. 12. Дневник (1922-1935). 656 с.
18. **Gove Ph. B.** The Imaginary Voyage in Prose Fiction. A History of Its Criticism and A Guide for Its Study, with an Annotated Check List of 215 Imaginary Voyages from 1700 to 1800. London: The Holland Press, 1961. 445 p.
19. **The Cambridge History of Russian Literature** / edited by Charles A. Moser. Cambridge University Press, 1992. 652 p.
20. **Westphal B.** Geocriticism: Real and Fictional Spaces / translated by T. Robert, Jr. Tally. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 192 p.
21. **Wilson R.** The Literary Travelogue: a Comparative Study with Special Relevance to Russian Literature from Fonvizin to Pushkin. The Hague: Nijhoff, 1973. 138 p.

ON THE CHILDREN'S TRAVELOGUE IN THE RUSSIAN SOVIET LITERATURE OF THE 1920-1930S

Kuvshinov Feliks Vladimirovich, Ph. D. in Philology
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (Branch) in Lipetsk
fkuvshinov@yandex.ru

The article deals with the children's travelogue of the Russian literature of the 1920-1930s through the prism of the Soviet everyday life. The author describes the specific features of children's travel literature such as convention, banality, following the ideological guidelines, low informativeness of the text, and lack of real knowledge about foreign countries of the authors. Made for young readers, such literature was devoid of analytical element and at the same time was a convenient base for solutions of non-standard creative problems.

Key words and phrases: Soviet everyday life; genre of travelogue; children's travelogue; travel literature; censorship pressure.